

УДК 811.161.1 DOI 10.25986/IRI.2025.99.1.011

Г. А. Мольков

Институт русского языка им. В. В. Виноградова, Москва, Россия. georgiytolkov@gmail.com

ЧЕРТЫ БЫТОВОЙ ОРФОГРАФИИ В ЗАХАРИИНСКОМ ПАРИМЕЙНИКЕ 1271 г.

В исследовании рассматривается проблема влияния бытовой орфографии на книжную в XIII в. на материале рукописи Захариинского паримейника 1271 г. Проведен анализ всех встретившихся примеров с неполноразличительным употреблением букв *е, о, ъ, ѣ* и *ѣ* в четырех почерках рукописи. Использование приемов бытовой орфографии в каждом из почерков оказывается индивидуальным, в первую очередь за счет пришедших из бытового письма написаний, устойчиво применявшихся писцами в отдельных позициях на правах допустимых в книжном письме. В статье сделаны предположения о факторах, способствовавших проникновению бытовых вариантов написания в книжную орфографию.

Ключевые слова: древнерусская орфография, Захариинский паримейник, бытовое письмо, гиперкоррекция, графическое клише

Работа выполнена при поддержке РФФИ (международный проект № 20-512-18001).

Рукопись Захариинского паримейника, будучи древнейшим точно датированным списком славянского перевода этой богослужбной книги, хорошо известна в науке, к ее материалу с разными целями часто обращались исследователи текстологии и языка памятников древнеславянской письменности. Уже на раннем этапе изучения языковых данных рукописи Н. М. Каринский охарактеризовал ее как «любопытный источник для истории псковского письма и языка» [Каринский, с. 233]. Опираясь на результаты собственных наблюдений и данные, собранные в рукописи участницей его семинара Т. К. Берхман, ученый дал краткий обзор «графики» почерков рукописи – графико-орфографических особенностей в позициях противопоставления южно- и восточнославянских способов записи. Наряду с сохранением большого количества «древнеболгарских» особенностей письма Н. М. Каринский отдельно останавливается на характерной группе написаний с взаимным смешением графем *ъ* и *о*, *ь* и *е* (*ѣ*), реже и вм. *ь*, а также *ь*, *е* с *и* [Каринский, с. 235]. Это явление квалифицируется как особенность «нескольких древне-русских писарских школ», возникшая «вследствие фонетического совпадения в русском языке» соответствующих звуков; относительно последнего типа смешения (*ь*, *е* с *и*) ученый воздерживается от толкования природы их возникновения. По паре десятков примеров, приведенных в исследовании Н. М. Каринского без разделения по почеркам, сложно судить

о распространенности этого явления в орфографии рукописи; списки выборочных примеров сопровождаются указанием «и мн. др.».

Несколько более подробный обзор орфографии Захариинского паримейника – в период после открытия бытовых письменных систем берестяных грамот – представила А. И. Кузовенкова. Материал основных актуальных для периода XIII в. позиций орфографического варьирования рассмотрен в ее небольшом по объему исследовании отдельно для каждого из четырех писцов. Коротко А. И. Кузовенкова останавливается и на интересующей нас особенности – взаимной мене **ъ** и **о**, **ь** и **е** (**ѣ**), хотя именно эту особенность письма рукописи исследовательница не рассматривает как характеристику отдельного почерка, давая общий список отдельных примеров этого явления (из 12 словоформ) [Кузовенкова, с. 73]. Примеры даны только из второй половины рукописи (после л. 166), что создает обманчивое впечатление неравномерной представленности бытовых написаний в двух частях памятника.

Не дает ясной картины использования бытовых написаний в рукописи и вывод, сделанный в работе А. И. Кузовенковой. По ее мнению, примеры Захариинского паримейника говорят о том, что «смешение вышеперечисленных гласных характерно не только для так называемой бытовой графической системы, но и для книжной письменности» [Кузовенкова, с. 73]. Судя по этому выводу, автор подчеркивает высокую частотность бытовых написаний в орфографии Захариинского паримейника, однако приведенные в исследовании единичные примеры не позволяют это проверить, и тезис, по-видимому, нуждается в уточнении: степень «характерности» смешения букв **ъ** и **о**, **ь** и **е** (**ѣ**) в книжном и бытовом письме, согласно существующим исследованиям, существенно различалась.

Хорошо известны примеры использования элементов бытовой системы в книжных текстах [Соболевский 2006, с. 504; Голоскевич, с. 24; Schaeken, p. 329; Крысько, с. 89; Ладъженский, с. 119–131; Баранкова, с. 16; и др.], но при всей активности бытовых написаний частотность их применения в книжных памятниках все же далеко отстоит от узуса берестяных грамот того же периода: во всех известных случаях они отмечаются в среднем не более чем в 2 % возможных позиций [Зализняк 2002, с. 580; Живов, с. 95]. Ранее нам удалось показать, что бытовые написания в некоторых книжных почерках распределены по тексту неравномерно и на отдельных листах достигают большей концентрации, чем в среднем по тексту. Например, в Служебнике ОР РНБ. Собрание Новгородского Софийского собора. № 519. XIII в. на л. 20 в основном почерке была выявлена концентрация позиций, записанных со смешением букв, в 7,4 % [Короткова, Мольков, с. 927]. Но более существенными, чем общая доля позиций соответствующих букв в рукописи, записанных в бытовой системе, оказываются качественные характеристики, которые приемы бытовой записи приобретают в контексте книжного письма.

По нашим наблюдениям, древнерусские рукописи XIII в. – в период наибольшей активности неполноразличительных систем в бытовой письменности [Зализняк 2002, с. 607–608] – заслуживают специального внимания в связи с проблемой бытовых вкраплений в книжной орфографии [Мольков 2023]. Интенсификация в использовании приемов подобной орфографии у непрофессиональных писцов оказывает влияние и на орфографию пергаменных рукописей. Общая закономерность состоит в том, что бытовые приемы «свободнее проникают в книжный текст при обозначении позиционно слабых еров, т. е. тех, которые в XIII в. в большинстве позиций в живой речи уже не поддерживались никаким звучанием» [Короткова, Мольков, с. 925].

Помимо общих закономерностей (средняя частотность вкраплений в книжном тексте, более частое на фоне других позиций написание с меной позиционно слабых еров) оказывается возможным выделение сложных для книжного писца позиций написания еров, **е** и **о** с повышенной частотой проявления бытовых рефлексов. Эти позиции релевантны с орфографической точки

зрения – показывают, как переписчик церковной рукописи, владевший при этом навыками бытового письма, членил языковой материал. Специальное исследование этой орфографической особенности в списке Евангелия РГАДА. Ф. 188 (Рукописное собрание Центрального государственного архива древних актов). № 816 (далее – РС № 816) показало, что благоприятные условия для проникновения элементов бытового письма в книжное складывались в тех словоформах, для которых можно выделить соотносимые фрагменты (морфемы, последовательности букв), различающиеся буквами **ѐ** и **ь**, **о** и **ѣ** [Мольков 2021, с. 792–797]. При устойчивости такого соотношения в сознании писца отдельные категории словоформ последовательно записывались с явными отклонениями от традиционной книжной орфографии, и вариант написания, пришедший из бытового письма, начинал использоваться как основной и правильный. Такая ситуация в почерке РС № 816 под воздействием написания сверхчастотной частицы **жѐ** возникла в орфографии форм императива на **-жь**: в 65 % случаев они записаны с эффектом **ь > ѐ** [Мольков 2021, с. 794]. В контексте книжной орфографии элементы бытового письма приобретают специфику орфограммы – имеют определенные рамки употребления, их появление в книжном тексте становится мотивированным. Масштаб влияния бытового письма на книжное в период XIII в. и степень устойчивости отдельных новых приемов написания, обусловленных этим процессом, можно оценить при дальнейшем исследовании почерков этого времени. Показательный материал для такого исследования дает Захариинский паримейник – при репрезентативном количестве примеров этого явления рукопись позволяет сопоставить данные четырех почерков и оценить степень индивидуальности орфографических явлений, вызванных влиянием неполноразличительных графических систем. В создании Захариинского паримейника участвовали четыре писца: <I (Захария) – л. 1 об.–73; II (Олуферий) – л. 74а–195г, 227а–255б; III – л. 196а–226г; IV – л. 256–264 об.> [Сводный каталог, с. 205]. Рассмотрим общее количество примеров с бытовым смешением букв в почерках рукописи.

Таблица 1 **Рефлексы бытовой орфографии в Захариинском паримейнике**

писцы	I (73 листа)	II (150 листов)	III (31 лист)	IV (9 листов)	Всего:
о > ѣ	1	43	45	10	99
ѣ > о	1	82	54	9	146
ѐ > ь	6	63	38	27	134
ь > ѐ	1	86	34	3	124
ѐ > ѣ	42	48	20	10	120
ѣ > ѐ	14	85	17	9	125
ь > ѣ	8	50	7	4	69
ѣ > ь	1	13	3	3	20
Итого:	74	470	218	75	837
В среднем на лист:	1	3,1	7	8,3	–

Элементы неполноразличительного способа записи интересующих нас букв представлены десятками примеров во всех почерках Захариинского паримейника. Средняя доля позиций для каждой из пяти графем, записанных в бытовой графике, ожидаемо невелика. По отношению к общему количеству этимологических позиций соответствующих звуков в тексте списка (применительно к XIII в. – актуальных при традиционном принципе написания) данные, приведенные в таблице 1, составляют по буквам следующие доли: для **ѐ** – 2,4 %, для **ь** – 2,6 %, для **ѣ** – 3,2 %,

для **о** – 0,8 % и для **ъ** – 1,4 %¹. Хотя проценты для отдельных букв одинаково малы, нельзя не отметить противопоставленность в этом узком диапазоне букв для гласных переднего (более 2 %) и непереднего ряда (менее 1,5 %).

Применение бытовых написаний у каждого из писцов имеет количественную и качественную специфику. Количественную неравномерность наглядно передают цифры нижней строки в таблице 1. С учетом объема переписанного каждым книжником текста хорошо прослеживается градация: 1-й и 2-й переписчики (опытный писец Захария и его сын Олуферий²) «ошибаются» в пользу бытового письма реже, чем 3-й и 4-й. При этом у 4-го писца концентрация бытовых написаний оказывается наибольшей – примерно в восемь раз выше, чем у 1-го (возможно, этот параметр коррелирует с оригинальным характером текста, переписанного 4-м почерком).

Качественная специфика почерков связана с разной частотностью ошибок под влиянием бытового письма с участием разных букв в каждом из них. По общим данным в таблице 1 хорошо видно, что самым «нейтральным» по применению неполноразличительной графики для разных букв является 2-й почерк: в нем с примерно одинаковой частотностью смешиваются все пять букв, участвующие в этих системах (хотя замены **ѣ** > **ь** реже прочих). Остальные три почерка дают те или иные отклонения. Особенно характерен 1-й почерк, в котором о смешении можно говорить только между **е** и **ѣ**, в то время как все другие взаимозамены бытового письма единичны. 3-й почерк на общем фоне характеризуется тем, что в нем редко смешиваются **ь** и **ѣ**, малоактивно смешение **е** и **ѣ**, а **о** и **ъ** смешиваются чаще, чем **е** и **ь**. В 4-м почерке обращает на себя внимание непропорциональный объем взаимных замен **е** и **ь**: в пользу **ь** замены происходят в девять раз чаще, чем в обратную сторону; замены **ь** и **ѣ** при этом относительно малоактивны.

Эти отличия почерков Захариинского паримейника, по-видимому, косвенно отражают разницу в наборе приемов, которыми те же писцы пользовались в ситуации бытового письма. Известно, что набор «эффектов», связанных с неполным различением букв, у писцов берестяных грамот мог быть разным. В рамках бытовой графики выделяются классы почерков, смешивающих графемы **X** и **Y** с разными вариантами реализации – с эффектами $X = Y$, $X \rightarrow X / Y$, $X \rightarrow Y$ в зависимости от предпочтений писавшего [Зализняк 2002, с. 596, 603]³. Применительно к разным буквам эти эффекты у одного писавшего могут не совпадать: для пар **е** – **ь**, **о** – **ъ** «в одной паре может проявляться явное предпочтение к **о**, а в другой – к **ь**; в разных парах может быть весьма различна интенсивность смешения и т. п.» [Зализняк 2002, с. 604]. В 1-м почерке Захариинского паримейника, возможно, отразилась графика с эффектом **е** = **ѣ** (и редким или нехарактерным смешением других букв), во 2-м – эффекты **е** = **ь**, **е** = **ѣ**, **ь** = **ѣ** и **о** = **ъ**, в 4-м – в частности, эффект **е** → **ь** (или **е** → **е** / **ь**) и т. д.

Использование приемов бытового письма в условиях книжной орфографии также имеет в каждом из почерков индивидуальные особенности.

Материал 1-го почерка отличается преимущественным смешением **е** и **ѣ**. При этом в три раза более частая по сравнению с обратной мена **е** > **ѣ** выглядит нетипично для бытовых неполноразличительных систем, которым свойственны эффекты **ѣ** → **е**, **ѣ** → **е**/**ѣ** или **ѣ** = **е** (но не **е** → **ѣ**) [Зализняк 1986, с. 107, табл. 3; Зализняк 2002, с. 604–605]. Близким аналогом такому употреблению является орфография этих букв в отрывке Минеи середины XIII в. ОР РНБ. Основное собрание рукописной книги. Q.п.I.53 (далее – Q.п.I.53), которую мы интерпретировали как

¹ Доля бытовых написаний указана для общего числа позиций *[ъ] и *[ь] в тексте, следовательно, доля этих написаний относительно только слабых *[ъ] и *[ь] еще несколько (но несущественно) выше.

² Отступления в пользу бытового письма оказываются не самой частой ошибкой в письме Олуферия, так как, по оценке Н. М. Каринского, в рукописи наибольшее количество «неточностей» письма (повторений и пропусков букв и слогов, гаплогрфии) приходится на его текст [Каринский, с. 234].

³ Подробное представление допустимых наборов эффектов с буквами **ъ** и **о**, **ь** и **е** см. в таблице 2 в работе А. А. Зализняка [Зализняк 1986, с. 102].

результат развития книжных орфографических систем с частым смешением ϵ и ѣ [Мольков 2020, с. 306–311]. Объяснимыми в рамках книжной орфографии оказываются примеры с заменой $\text{ѣ} > \epsilon$ в почерке: *посреде* 9б, 49г, *аръ/ванѣа. и ѣарфа/ рѣцѣ дамаскове* 14а, *ѡиме/те* 14г, *въ/зищете* 14г, *въ сишнѣ* 22а, *изверете* 22а, *въспле/щете роуками. и/ въскликнете бѣ* 23б, *перете* 23в, *глюще идемъ/ идоуше и помо/лимъса* 26г, *възидѣмъ... и пондемъ* 33б, *при аде* 39б, *преседить* 73б – в половине случаев эта замена происходит в суффиксе императива и связана с путаницей двух формантов (*-емъ/-ѣмъ, -ете/-ѣте*), отличающихся буквами ϵ и ѣ . Смешение этих букв в этих условиях типично именно для книжной орфографии раннего периода [Мольков 2020, с. 261]. Из оставшихся примеров формы *посреде* 9б, 49г и *преседить* 73б могут быть связаны с графическим влиянием ϵ в соседнем слоге – в итоге немногочисленные примеры с заменой $\text{ѣ} > \epsilon$ в 1-м почерке рассматриваемой рукописи вполне возможны в книжной орфографии и без дополнительного влияния бытового письма.

Обратная замена $\epsilon > \text{ѣ}$ в 1-м почерке более специфична и сближает его употребление с орфографией минеи Q.п.I.53. В 26 из 42 примеров неэтимологический ѣ появляется в формах 3-го лица единственного числа, перед флексией *-тъ*: *воудѣтъ* 19г, 20а, 20г, 55г, *изидѣтъ* 24б, *въстанѣтъ* 40в, 40г, *да блудѣтъ//* 42б, *да не устанѣтъ* 42в и т. п. Внешне такие написания совпадают с рефлексамии нового ятя, однако других типовых для нового ятя позиций [Мольков 2020, с. 288] в почерке не наблюдается. Напротив, формы на *-ѣтъ* соседствуют с написаниями, характерными для орфографии с частым смешением ϵ и ѣ ; вне форм на *-еть* они следующие: *извереть* 8а, *донѣдѣже* 12б, *на роуѣси* 16а, *на руѣси* 16б, *раствѣрне/тѣ сѣдца* 21г, *меж/доу крипидоу и// ватарѣмъ* 22а–б, *проузи и/ хроуствовѣ* 23а, *въселѣна вѣ/детъ* 24б, *ѡ... плѣменъ/* 27а, *изгрѣбно* 32г, *не/бѣснѣи* 33в, *дѣръзно/вѣнник* 34в, *ламѣхъ/* 59а (ср. *ламеха* 59а), *ла/мѣхъ* 59б, *въздѣмли/* 63г, *дрѣмлиши./* 64в. Наиболее показательны в приведенном перечне написания с ѣ в именных основах на *-ес-* (**es-*склонения) – *на роуѣси* (× 2) и *не/бѣснѣи*: они встречаются в списках минеи ОР РНБ. Собрание Новгородского Софийского собора. № 188 (далее – Соф. 188) и Q.п.I.53 [Мольков 2020, с. 271–272, 309–310] и имеют орфографическую подопадку. В других позициях мена $\epsilon > \text{ѣ}$ единична, но ее присутствие в *-ѣн(и)*-, в корнях после *р* (*грѣв-, дрѣм-*), а также, видимо, в форме *ламѣхъ* (очевидно, по ассоциации с формами местного падежа множественного числа на *-ѣхъ*) говорит об искусственной орфографической природе этой группы написаний в 1-м почерке Захариинского паримейника в целом. В таком контексте написания с *-ѣтъ* аналогичны смешению $\epsilon/\text{ѣ}$ в приставке и частице *не* в рукописи Q.п.I.53. На наш взгляд, подобные замены в позиции нового ятя к середине XIII в. пополнили круг позиций с орфографическим варьированием $\epsilon/\text{ѣ}$ в системах с частым смешением этих букв.

Случаи замены $\text{ь} > \text{ѣ}$ происходят в 1-м почерке при ь только в сильной позиции, поэтому, видимо, следует рассматривать их вместе с заменами $\epsilon > \text{ѣ}$, ср.: *въ сънѣ/мъ кдинъ* 2б, *по/дъ нѣсѣмъ* 2б, *въ печалѣхъ/* 47б, *въ печалѣхъ* 47в, *на нѣсѣхъ* 57б, *сквѣрныны оу/стъны* 61б, *възъ/дрѣвноуи* 64а, *по/дъ нѣсѣмъ* 72в. В основном они происходят во флексиях или финалях, похожих на флексию (*сънѣмъ*) – ср. выше *ламѣхъ*.

Смешения других букв единичны и, очевидно, не могут быть уверенно отнесены к влиянию бытовой графики, ср.: *тъльць/* 4в, *и/матѣ пребѣги/* 8г, *дѣмъ же/* 69в – описки с повтором буквы соседнего слога; *пѣрьскы* 18б – по ассоциации с традиционным написанием корней с **tbrt*, и т. п.

Рассмотренные примеры со смешением букв в 1-м почерке показывают, что этот писец остается в рамках книжной орфографии – в отличие от трех других переписчиков Захариинского паримейника, в письме которых смешение букв встречается чаще и отражает влияние бытовой графики.

Второй почерк в рукописи принадлежит сыну Захарии – писцу Олуферию. В его тексте встречаются многочисленные исправления – в том числе касающиеся устранения бытовых эффектов, – сделанные Захарией [Крысько, с. 89]. По нашим подсчетам, исправлены ошибочные: **ь** вм. **є** – 11 форм (из 62), **є** вм. **ь** – 7 форм (из 88), **ъ** вм. **о** – 4 формы (из 42), **о** вм. **ъ** – 39 исправленных форм (из 86). Совсем нет исправлений ошибок, связанных с **ѣ**: видимо, по той причине, что сам Захария, как показано выше, допускал такие написания. Количественно выделяются исправления неэтимологического **о** на **ъ** – Захария «восстановил» почти половину еров, записанных как **о**. Такая доля исправлений, скорее всего, связана с их графической простотой – нужно было добавить сверху крючок к букве **о**.

Рассмотрим весь объем бытовых написаний Олуферия, в том числе исправленные. Определенное сходство с написаниями в почерке Захарии наблюдаются при смешении **є** и **ѣ**, причем в формах с **ѣ** вместо **є**: из 48 форм неэтимологический **ѣ** 11 раз написан в глаголах на **-єть**; также встретились 4 ошибки в основах с **-єс-** (**сѣ/ ѡцѣсѣхъ** 75г (!), **на// неѣса** 85а–б, **словѣ/сѣмъ** 157а, **на не/ѣсєхъ** 242г), 6 примеров с конечным флективным **ѣ** вм. **є**, трижды – в приставке **вєс-**. Последние две категории также актуальны для систем с частой заменой **є** и **ѣ** [Мольков 2020, с. 264–265, 271]. Однако следует признать, что в совокупности эти примеры, поддающиеся какой-то группировке, составляют менее половины встретившихся ошибок. Остальные случаи замены **є** > **ѣ** у Олуферия – единичные для корней и аффиксов написания с бытовым эффектом.

Написания с меной **ѣ** > **є** в этом почерке, вдвое более частые, чем обратные (ср. их небольшое количество у Захарии), не позволяют выделить специфических для писца позиций. Можно отметить группу из 12 написаний в характерных для орфографии с частым смешением **є** и **ѣ** условиях – после согласных л/р [Мольков 2020, с. 257], но она составляет только 14,5 % от общего количества. Остальные примеры дробно распределены по многим морфемам и позициям и выглядят как ошибки начинающего книжного писца. Доля этих ошибок для конкретных морфем и их групп не превышает средний показатель бытовых написаний по рукописи. Осмысленно – на правах допустимого варианта – Олуферий, видимо, применяет только **ѣ** на месте **є** в тех же категориях форм, что и его учитель.

Другая ситуация наблюдается в этом почерке при смешении **ѣ** с **ь**. Как видно из таблицы 1, смешение происходит в основном в сторону **ѣ** – именно среди примеров с эффектом **ь** > **ѣ** выделяется категория написаний, в которой Олуферий применяет некнижную орфографию вполне осознанно. В половине словоформ (25 из 50) такая замена происходит на месте **ь** в сочетании ***tbrt** в корневой части: **сѣѣршити** вм. **сѣѣршити** и т. п. Поскольку во второй половине XIII в. эти сочетания в живом произношении имели [e] (прояснившийся редуцированный), можно предположить, что для писца эта позиция ассоциировалась с основами с ***tert**: в полногласном произношении основы типа **ѣѣрьд-** и **вєрєд-** совпадали по качеству гласных⁴. В этом случае традиционный вариант записи корней с ***tert** через **ѣ** был распространен и на корни с ***tbrt**, хотя применялся менее активно, чем в ***tert**. Для ***tert** написание через **ѣ** было основным способом у Олуферия: на первом отрезке переписанного им текста (л. 74–195) три четверти словоформ с этим рефлексом написаны с **ѣ** (188 форм из 252). Для рефлексов ***tbrt** запись с **ѣ** стала дополнительным вариантом. Традиционный вариант с редуцированным перед плавным был преобладающим [Кузовенкова, с. 73]: по нашим подсчетам, на отрезке л. 74–195 около 100 примеров при 23 написаниях с **ѣ**⁵.

При записи основ с ***tbrt** через **ь** и через **ѣ** полностью совпадают наборы возможных модификаций, связанных с порядком следования гласного относительно плавного. Как отмечает

⁴ Ср. записанную в соответствии с реальным произношением форму **вєрєвнѣѣ** 91б в приписке Олуферия.

⁵ Редко встречается также вариант записи с **є** [Кузовенкова, с. 73].

А. И. Кузовенкова, в почерке присутствуют южнославянские написания и второе полногласие [Кузовенкова, с. 74] – типа **Ѡ съмръти** 238г и **дърь/зновеник** 239в. Встретились и параллельные формы с **ѣ**: **съдрѣ/жаи** 95а и **Ѡвѣрьзо/шас** ∷ 144а, **Ѡвѣрьзан** 165б, **оутѣвѣрьжа/ктъ** 166б и др.

Среди других примеров с взаимной заменой **ь** и **ѣ** системности нет. Возможно, в части из них писец делал ошибку под влиянием соседних слогов с буквами **ѣ/ь/ѣ**: **потъ/рьпѣхъ** 128б, **тѣвѣ мѣздѣ**/ 145г, **всен земли/ кгоуптъстѣ**./ 152а, **тѣ/мѣже** 153а, **разме/тѣте** 227 (императив).

Смешение букв **ѣ** и **ь** в почерке локализовано преимущественно в нескольких позициях, вызывавших сложности у писца. Как и у писца рассмотренного нами евангельского списка XIII в. РС № 816 [Мольков 2021, с. 792], выделяется написание конечных слогов **тѣ** и **тѣ**, по той же причине – в связи с их использованием в глагольных флексиях, прежде всего в **-ѣтѣ/ -ѣтѣ**. Ошибается Олуферий преимущественно в пользу **-ѣтѣ**: на ошибочные конечные **-тѣ** приходится заметная доля всех бытовых написаний с **ѣ > ѣ** (26 из 86, 30 %), в то время как обратные случаи – это 8 форм из 63 ошибок с **ѣ > ѣ**. Большое количество неправильных **-тѣ**, по-видимому, связано со склонностью писца заменять на **ѣ** конечный этимологический **ь**: в целом 52 бытовые замены **ь > ѣ** из 86 (60,5 %) встретились в конечном слоге слова (**плачѣ**/ 85г, **днѣ г(с)нѣ**/ 88а, **вѣ поутѣ**/ 115в, **т/воимѣ** 142в, **бранѣ**/ 173г, **вещѣ сню**./ 174г и др.).

Написания с бытовыми **ѣ > ѣ** оказываются более индивидуальными для почерка. В их числе выделяется группа примеров (22 формы из 63, или 35 %), в которых неэтимологический **ь** использован в слоге перед другим редуцированным: **нѣчѣств(о)утѣ** 78б, **нѣцѣ/стива** 78г, **корнь** 82в, **вѣчрьѣ**./ 102а, **вѣсьлипа**./ 110в, **сѣвѣдетѣль** 113в (× 2), **сѣжнжѣтъ** 132в, **плѣ/ нѣникѣ** 132г, **ѣзѣ/вѣ** 173б, **сѣ/мѣ(о)нѣ** 173б, **оумрьѣтъ** 173в, **разорньѣ**/ 194г, **спа/снѣтъ** 227б, ***оцѣмѣ > оцѣмѣ** 233б, и др. Сложность в выборе правильного **ѣ/ь** в этой позиции, вероятнее всего, связана с прояснившимися в речи писцов сильными ерами и воздействием этого нового произношения на книжную орфографию в XIII в. Можно предположить, что Олуферий ассоциировал написания типа **спаснѣтъ**, **корнь**, **ѣзѣвѣ** с нежелательными отражающими прояснение написаниями типа **конѣцѣ**, **дѣнѣ**, **лѣвѣ** и т. п., устраняя **ѣ**, произносимое как [e], именно в этой позиции. Бытовые эффекты в этой ситуации проникали в его книжное письмо не по недосмотру, а, напротив, в результате сознательной, хотя и гиперкорректной правки антиграфа. Возможно, что и некоторые формы слов с [e] в двух последних слогах (или перед **сѣ**) частично подгонялись под тот же графический шаблон (ср. также два [e] в рассмотренном выше **-ѣтѣ**): **по вселенѣнѣ** ∷ 77г–78а, **ис тѣвѣ**/ 125а, **кѣжѣ**/ 134б, ***пронѣсѣсѣ гѣтъ > пронѣсѣсѣ** 152г, **нежѣ** 153г, **донѣдѣже** 184а, ***рѣчѣ > рѣчѣ** 184г.

Взаимное смешение **о** и **ѣ** в книжном письме Олуферия не поддается структурированию – нет специфических позиций с их участием, отклонения от книжной орфографии возможны в широком наборе морфем, основ, позиций. В первую очередь это касается более частой замены **ѣ > о**, и только среди 43 примеров с заменой **о > ѣ** наблюдаются отдельные основы с более системным использованием неэтимологических написаний. В наиболее явном виде за составной основой **законѣпрѣстоупнѣ**– Олуферий пытается закрепить написание с эффектом **о > ѣ**: встретилось 7 форм, записанных как **законѣпрѣстоупнѣ**– (очевидно, под влиянием написания слова **законѣ** в начальной форме) и только 4 традиционных написания; примыкает к этим примерам запись и других составных слов: **винѣ/ноградѣ** (!) 102в, **дърѣ/зѣсѣрдѣ** 146г, **бѣчѣтѣ/цѣ** 175в. Кроме того, можно выделить небольшую группу ошибок, обусловленных необходимостью устранять написания с прояснением типа **ко мнѣ**, **во дни** (ср. ошибки с **ѣ > ѣ**): **кѣ/варннѣ** 112г, **кѣнѣнѣ**/ 123б, **кѣсма/тѣ** 139в–г, **вѣнѣ** 141а, **кѣзѣ** 146а, **вѣловнѣ/хѣ** 175в, **кѣжѣнѣ** 182в, **вѣднѣнѣхѣ**./ 236г.

Наиболее яркой особенностью орфографии 2-го писца Захариинского паримейника, связанной с эффектами бытового письма, является частая мена **и** (после буквы гласного) > **к**. Эти примеры цитировались учеными еще до открытия берестяных грамот [Соболевский 2006, с. 41; Каринский, с. 235], не получая удовлетворительного объяснения. В контексте же рассмотренных выше приемов бытового письма, проникающих в книжное письмо Олуферия, они несомненно представляют собой результаты эффекта [j] (в конце слога) → **е**, хорошо известного по берестяным грамотам [Зализняк 1986, с. 110]. Основная часть таких написаний в рукописи приходится на местоименные формы – 35 из 50 (единственного числа – **домъ/ твок** 77б, **братъ моє/** 139в, **отць моє** 139г, ***сынъ/ свок** > **свои** 240в, и др., двойственного числа – **ланитѣ мо/к** 193в и множественного числа – **снѣ твок** 152б), хотя и в этих формах преобладает стандартное написание (более 100 примеров). Также встретились формы других частей речи: **въ днѣ// третник** 133г–134а, **въскрак морѣ/** 135в, **послоушак ме/не** 139б, **не призирає/** 143в, **ѡлѣк** 147г, **слоуша/к** 157б, **бывак** 157б, **исп/равлак** 157б, **гноє сво/к** 186а, **прѣне/могак** 232г, **въ днѣ .ѣ.мъ/к.** 246а, **змиє ве/ликъи** 248г. Возможно, присутствие таких написаний в книжном тексте поддерживалось закономерным видом имени **нок** (транслитерация греческого Νώε) – форму именительного падежа Олуферий пишет с **к** (больше 10 раз), с единственным исключением (**но/и** 77г).

Перейдем к рассмотрению почерков с большей концентрацией бытовых написаний. 3-й почерк по ряду особенностей объединяется с двумя первыми, но имеет и индивидуальные черты дистрибуции некоторых бытовых эффектов.

Сходства с первыми двумя почерками наблюдаются в примерах со смешением **е** и **ѣ** в 3-м почерке. Большинство случаев также приходится на позиции, актуальные для книжных орфографических систем с частой заменой этих двух букв. Из 20 замен **е** > **ѣ** 8 примеров – это конечный флективный гласный, 6 форм – настоящее время на **-ѣтъ**, 3 примера – в основе **колѣсниц-** (к ним примыкает имеющий **-ес-** пример **о дѣсноуѣ/** 200а); из 17 обратных замен 5 приходится на конечный гласный окончания, еще две – тоже флективный гласный (**по всен вселе/нен** 216в, **ѡ/ всехъ ныци/стотъ** 225б), две – в суффиксе императива, одна – в суффиксе **-ѣни-** (**по смо/трению** 216б). Наибольшая концентрация характерна для словоформы **боудѣтъ**, которая в 5 из 18 (27, 5%) встретившихся примеров записана с **ѣ**. Таким образом, смешение **е** и **ѣ** в первых трех почерках Захариинского паримейника имеет общие черты и связано с той же книжной традицией, что и в отрывке Минеи Q.п.I.53 [Мольков 2020, с. 306–311].

Немногочисленные примеры смешения **ь** и **ѣ** (**ь** > **ѣ**: **сидонѣскоуѣ/** 201г, (**вы**) **на/слѣдѣствоуѣ/тъ.** 205в, **сѣ... настѣ/гнами ихъ** 214а, **въвѣрго/ша** 214а, **ѡ/вѣргъ** 214б, **въ тѣмѣ/** 217в, **старѣ/ци** 224г; **ѣ** > **ь**: **о/г(с)дѣ** 203в, **и/чълити** 204г, **за/выцаю** 210б) представлены в разных позициях и морфемах. В основном использование приемов бытового письма в 3-м почерке наблюдается в парах **е** – **ь**, **о** – **ѣ**, где проявляется индивидуальный характер орфографических предпочтений писца. Как и у писца Олуферия, в 3-м почерке выделяется написание глагольных форм на **-ѣтъ/ -ѣтѣ**. Отличие состоит в том, что у 3-го писца эти ошибки происходят преимущественно в обратную сторону – **-тъ** > **-тѣ** (14 форм из 38, или 37%), тогда как с эффектом **ь** > **е** записано только 5 форм из 34. Смешение того же типа менее активно представлено и в паре формантов **-ен/-ѣн-** (**е** > **ь**: **привѣ/дѣни** 212г, ***сѣмъни** > **сѣмени** 215в, ***и/мъни** > **и/мени** 216б; **ь** > **е**: **рѣве/ниа** 200г, **въше/наго** 217в, ***въше/немоу** > **въшь/немоу** 221а).

Среди ошибок с заменой **е** > **ѣ** обращает на себя внимание их присутствие в обсуждавшейся выше в связи с заменой **е** > **ѣ** категории основ на **-ес-**: **кольсница** 197в, 199б, **кольсница** 199г, **по чюдѣсемъ/** 216б, **чюдѣса/** 224г⁶. В наиболее часто встречающейся в тексте 3-го писца основе **ко-**

⁶ По внешнему сходству сюда можно добавить также пример **на/ дѣсѣтѣ** 210г. В контексте почерка это написание нельзя считать достоверным отражением редукции гласного в числительном – ср., однако, пример из почерка Захарии, который приводит А. И. Соболевский [Соболевский 1907, с. 97]: *дванадѣсѣтъ* 62 об.

лесниц- сразу три варианта написания второго гласного выступают как равноправные: варианты колесниц-, колѣсниц- и кольсниц- используются каждый по три раза; чюдѣс- встретилось дважды только в этом написании. Если использование ѣ в основах на *es встречается (как отмечалось выше) и в других почерках (по крайней мере, с начала XII в.), то написание их через ь выглядит как новшество переписчика Захариинского паримейника. Возможно, написание таких основ через е представлялось неправильным, но «правильный» неэтимологический вариант зависел от навыков бытового письма, где буква е коррелировала и с ѣ, и с ь.

Более специфическими в 3-м почерке являются позиции с написанием е на месте ь. Почти в половине примеров (14 из 34, или 41 %) гласный находится в слоге с шипящим, что напоминает ситуацию в рассмотренном нами почерке Евангелия XIII в. РС № 816 [Мольков 2021, с. 793–794]. Однако соотношение между разными шипящими в почерке Захариинского паримейника другое, и наиболее характерной особенностью является написание именительного и винительного падежей единственного числа слова пещь: эти формы чаще пишутся как пеще (5 раз), и только 3 раза встретилось «стандартное» написание пещь⁷. Возможно, графически написание пеще соотносится с другими словоформами с бытовым эффектом ь > е в последнем слоге и буквой е в предпоследнем: зацѣтителѣ/ мон 204в, вседѣрь/жителѣ 210б, *прѣдѣ/ личеме љго. > личеме 218в, в том числе, как и у Олуферия, две ошибки в глагольных формах единственного числа – *речеть/ > речетѣ/ (!) 218в, глѣ/тѣ г(ѣ)ь 225г. В примерах со смешением букв о и ѣ также выделяются вызывавшие особую сложность в записи морфемы и склады. Среди 45 примеров с заменой о > ѣ это две пересекающиеся категории: грамматически разнородные словоформы на -омѣ (формы дательного падежа множественного числа имен или 1-го лица множественного числа аориста) и формы со складом -хо- (по 12 форм в каждой категории). Последняя категория состоит в основном из форм аориста на -хомѣ, которые писец чаще пишет в неэтимологическом виде с -хѣмѣ на конце (8 неправильных и всего 3 этимологических написания). Также встретились примеры: *веди хѣди > ходи 207б, въ тѣмѣ/ хѣдѣть. 217в, *ни/ хѣдѣти > ни/ ходѣти 219б, *обѣ/хѣдѣти > обѣ/ходѣти 220а, то есть все примеры не в аористе относятся к корню ход-⁸. Очевидно, определяющим для этого книжника было влияние сверхчастотного склада -хѣ, присутствующего во флексиях имен, местоимений и глагольных аористных форм, дополнительно поддержанное наличием флексии *й-склонения -ѣмѣ⁹.

Обратной замене – ѣ > о – в 3-м почерке Захариинского паримейника благоприятствует позиция конца слова: к ней относится 33 из 54 (61 %) всех встретившихся примеров. Тяготение рефлексов бытового письма в книжном тексте к этой позиции отмечалось исследователями на материале других рукописей XIII в. [Голоскевич, с. 24; Герасимова, с. 51], хотя причины частотности ошибок на конце слов могли быть разными. Некоторые из примеров 3-го почерка могут быть обусловлены возможностью флексий -о и -ѣ (например, средний/мужской род краткого прилагательного и др.) в парадигме слова: *всѣко. конѣ/ > всѣкѣ. 199б, на полкѣ егю/пѣтьско. 199в, *ни/ ѣдино. > ѣдинѣ. 200а, *въ то годѣ > въ тѣ годѣ 213б, *трѣвѣ/ѣмо ѡ глѣ > трѣвѣ/ѣмѣ 213б, *пла/мень огньно/ окр(ѣ)тѣ > огньнѣ/ 214б. Но они составляют небольшую часть из форм с неэтимологическим о на конце. Более существенным оказывается графический фактор: в большинстве примеров слог с бытовым о соседствует с другими складами с той же буквой (или с ѡ). Это видно и из приведенных выше примеров, а также ср.: пого/наша 197в, на/чѣтѣко свои/

⁷ Ср. с нестандартной записью этого же слова (в 68,5 % случаев) в Минее начала XII в. Соф. 188 [Мольков 2020, с. 274], хотя в ней отклонение касается записи первого гласного – пѣщѣ.

⁸ Ср. две ошибки в этом же корне в позиции после союза и в евангельском списке XIII в. РС № 816 [Мольков 2021, с. 796], вызванные графической аналогией с частотной формой ихѣ.

⁹ Внимание переписчика списка Евангелия РС № 816 тоже было направлено на аористные формы, но в 3-м лице множественного числа, в связи с графической интерференцией с причастным суффиксом -ѣш- [Мольков 2021, с. 796].

хъ 201а, *престо́ло > престо́ль 206а, *отро́ко/ > отро́къ/ 206в, *ми/ро отро́цию > ми/ръ 207в, *жьзлo мoи > жьзлѣ 208а, *законo мoи/ > законѣ 210в, крѣпо/ко. 211в, *отро/стоу́пихъ/мѣ > отѣ/стоу́пихъ/мѣ 214г, *къ снѣмо/ > къ снѣмѣ/ 221б, *ко/ томоу > къ/ 222б, водо́вни 222в, *ко/то > къ/то 223г, 225г, *мо/нхо ходитѣ./ > мо/нхѣ 225в, отро́ко/ мoи 226а – всего 21 пример из 33 с бытовым о в последнем слоге появляется в указанных условиях. Для некоторых слов бытовое написание оказывается основным – слово отро́ко в таком виде встретилось дважды (один исправлен) при отсутствии отро́къ в почерке¹⁰.

Четвертому писцу, несмотря на наибольшую концентрацию бытовых написаний в памятнике, принадлежит наименьший по объему текст (паримейное чтение о Борисе и Глебе и их проложное житие). Для большинства графических эффектов это не позволяет сделать развернутых наблюдений и увидеть закономерности в их использовании в книжном тексте. В наиболее многочисленной группе написаний с эффектом $\epsilon > ь$ (27 раз) количественно несколько выделяется позиция гласного в конечном слоге -же (в том числе в частице же) – 5 раз такие формы записаны с заменой; тем не менее и в этой позиции преобладают этимологически правильные написания (более 60 раз). Среди немногочисленных форм с заменой о > ѣ (10 раз) половину составляют ошибочно восстановленные слоги, похожие на односложные приставки-предлоги или местоименные формы с ѣ: сѣдомьскыѣ 257 об., оуѣсѣвныѣ/ 258, въсокъоумикъмъ/ 258 об., аще ли... тѣ вольше/ 258 об., навѣдѣть 258 об., вълoдимира 261.

Остальные записанные с неполным различием графем написания у 4-го писца рассредоточены по разным позициям и, вероятно, допущены по недостатку опыта книжного письма (ср. наибольшее количество таких ошибок на лист среди почерков Захариинского паримейника). 4-й писец выделяется на фоне других не только частотностью, но и минимальными следами сознательного введения бытовых написаний в книжный текст.

Рассмотренное позиционное распределение рефлексов бытовой орфографии в почерках Захариинского паримейника позволяет разбить материал на две группы: 1) варианты написания, попавшие в книжное письмо по недосмотру или неопытности писца, – единичные для определенной основы, морфемы, слога или их сочетаний бытовые написания; 2) пришедшие из бытового письма написания, применявшиеся писцами в отдельных позициях на правах приемлемых в книжном письме, которое в принципе допускает вариативность. В этой группе обособленно выглядят написания со смешением ϵ и ѣ, в основном – в пользу ѣ. У всех писцов, кроме последнего, наблюдается связь замен $\epsilon > ѣ$ с книжными системами с частым смешением этих двух букв. Количественно выделяются позиции с неэтимологическими ϵ , ѣ с путаницей двух формантов (-ениј/-ѣниј-, -емѣ/-ѣмѣ, -ете/-ѣте и некоторых других), отличающихся этими буквами; три первых писца испытывают колебания в оформлении форманта -ес- основ на *es (у 3-го писца нестабильность усиливается с привлечением буквы ь для их оформления); орфографический статус в этом контексте приобретает частое написание с новым ѣ в глаголах на -еть. По-видимому, соседство этого набора позиций в почерках (кроме почерка более опытного Захарии) с бытовыми рефлексам с участием других пар букв возможно в связи с общим происхождением книжных орфографических систем с частой меной $\epsilon/ѣ$ и неполноразличительной графики [Мольков 2020, с. 96–107].

Способы встраивания бытовых по происхождению написаний помимо смешения ϵ и ѣ более индивидуальны. Олуферий (2-й писец) распространяет традиционный вариант записи корней с *tert через ѣ на корни с *tbrt, часто применяет эффект [j] (в конце слога) → e и воспринимает как орфографически выделенную позицию конечные слоги те и тѣ. Наиболее интересен

¹⁰ Ср. материал списка Евангелия РС № 816, где фактор соседнего слога с о выражен еще более последовательно в словах с корневым о [Мольков 2021, с. 797]. В рассматриваемом почерке к этой категории относятся отро́ко, законo и престо́ло.

у него гиперкорректный прием «восстановления» редуцированного – неэтимологическая правка в пользу **ъ, ь** в позиции перед слабым редуцированным. Третий писец чаще по-бытовому записывает формы 1-го лица множественного числа аориста – на **-хъмъ**, а также слово **пець** (в виде **пеце**), на написание некоторых словоформ у него заметно влияет использование эффекта **ъ > о** в последнем слоге. Некоторые из этих приемов находят близкие параллели в орфографии ранее описанных рукописей XIII в., что позволяет говорить об относительной устойчивости в книжном письме ряда приемов, возникавших под влиянием неполноразличительной графики в период ее наибольшей активности.

Литература

- Баранкова Г. С. О некоторых графико-орфографических и языковых особенностях Новгородской кормчей 1280 г. // *Славянское и балканское языкознание. Палеославистика*. М., 2017. С. 7–26.
- Герасимова А. А. Фонетико-орфографические особенности Евангелия-апракоса XIII века из собрания РГАДА (Ф. 188. Оп. 1. Ед. хр. 816). Выпускная квалификационная работа / СПбГУ. СПб., 2020. 98 с.
- Голоскевич Г. К. Евсевиево евангелие 1283 года: Опыт историко-филологического исследования. СПб., 1914. [2], 68 с.
- Живов В. М. Восточнославянское правописание XI–XIII века. М., 2006. 308 с.
- Зализняк 1986 – Зализняк А. А. Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М., 1986. С. 89–219.
- Зализняк 2002 – Зализняк А. А. Древнерусская графика со смешением **ъ – о** и **ь – е** // Зализняк А. А. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М., 2002. С. 577–611.
- Каринский Н. М. Паремейник 1271 г. как источник для истории псковского письма и языка // Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук. Л., 1928. Т. 201. Ч. 3. С. 233–237.
- Короткова Д. А., Мольков Г. А. Графико-орфографические особенности древнерусского служебника XIII века (Соф. 519) // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*. 2017. Т. 13. № 1. С. 911–938.
- Крысько В. Б. [Рец.] М. Г. Гальченко. Надписи на древнерусских иконах XII–XIV вв.: Палеографический и графико-орфографический анализ. М., 1997 // *Славяноведение*. 2000. № 2. С. 88–90.
- Кузовенкова А. И. Региональные изводы книжного языка и второе южнославянское влияние (об орфографии Захариинского паримейника 1271 г.) // *Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки*. 2013. Т. 155. Кн. 5. С. 70–76.
- Ладыженский И. М. Графико-орфографические и языковые особенности рукописных книг Типографского собрания РГАДА № 165, 166, 167. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 282 с.
- Мольков 2020 – Мольков Г. А. Формирование орфографических систем в древнерусской письменности XI – начала XIII века. Дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2020. 494 с.
- Мольков 2021 – Мольков Г. А. Рефлексы бытовой графической системы в орфографии древнерусской рукописи Евангелия XIII века // *Slavia Orientalis*. 2021. Vol. 70. № 4. С. 785–798. DOI 10.24425/slo.2021.138867
- Мольков 2023 – Мольков Г. А. Влияние древнерусского бытового письма на книжное в XIII веке // *Современная лингвистика: от теории к практике: III Казанский международный лингвистический саммит (Казань, 14–19 ноября 2022 г.)*: труды и материалы в 3 т. Казань, 2023. Т. 1. С. 117–119.
- Сводный каталог – Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. М., 1984. 405 с.
- Соболевский 1907 – Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. 4-е изд. М., 1907. [4], 309 с.
- Соболевский 2006 – Соболевский А. И. Труды по истории русского языка. М., 2006. Т. 2 / Предисл. и коммент. В. Б. Крысько. 683, [1] с., [1] л. портр.
- Schaeken J. Notes on the Later Russian Part of Sava's Book // *Russian Linguistics*. 2000. Vol. 24. P. 321–337.

References

Barankova, G. S. O nekotorykh grafiko-orfograficheskikh i yazykovykh osobennostyakh Novgorodskoi kormchei 1280 g. In *Slavyanskoe i balkanskoe yazykoznanie. Paleoslavistika*. Moscow, 2017. Pp. 7–26. (In Russ.)

- Gerasimova, A. A. Fonetiko-orfograficheskie osobennosti Evangeliiya-aprakosa XIII veka iz sobraniya RGADA (F. 188. Op. 1. Ed. khr. 816). Final qualifying work. Saint Petersburg State University. Saint Petersburg, 2020. 98 p. (In Russ.)
- Goloskevich, G. K. Evsevievo evangelie 1283 goda: Opyt istoriko-filologicheskogo issledovaniya. Saint Petersburg, 1914. [2], 68 p. (In Russ.)
- Karinskii, N. M. Paremeinik 1271 g. kak istochnik dlya istorii pskovskogo pis'ma i yazyka. In *Sbornik Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Akademii nauk*. Leningrad, 1928. Vol. 201. Part 3. Pp. 233–237. (In Russ.)
- Korotkova, D. A., Mol'kov, G. A. Grafiko-orfograficheskie osobennosti drevnerusskogo sluzhebника XIII veka (Sof. 519). In *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy*. 2017. Vol. 13. No. 1. Pp. 911–938. (In Russ.)
- Krys'ko, V. B. [Rets.] M. G. Gal'chenko. Nadpisi na drevnerusskikh ikonakh XII–XIV vv.: Paleograficheskie i grafiko-orfograficheskie analiz. M., 1997. In *Slavyanovedenie*. 2000. No. 2. Pp. 88–90. (In Russ.)
- Kuzovenkova, A. I. Regional'nye izvody knizhnogo yazyka i vtoroe yuzhnoslavyanskoe vliyanie (ob orfografii Zakhariinskogo parimeinika 1271 g.). In *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 2013. Vol. 155. Book 5. Pp. 70–76. (In Russ.)
- Ladyzhenskii, I. M. Grafiko-orfograficheskie i yazykovye osobennosti rukopisnykh knig Tipografskogo sobraniya RGADA № 165, 166, 167. Dissertation for the Degree of Candidate of Philology. Moscow, 2011. 282 p. (In Russ.)
- Mol'kov, G. A. Formirovanie orfograficheskikh sistem v drevnerusskoi pis'mennosti XI – nachala XIII veka. Dissertation for the Degree of Doctor of Philology. Saint Petersburg, 2020. 494 p. (In Russ.)
- Mol'kov, G. A. Refleksy bytovoi graficheskoi sistema v orfografii drevnerusskoi rukopisi Evangeliiya XIII veka. In *Slavia Orientalis*. 2021. Vol. 70. No. 4. Pp. 785–798. DOI 10.24425/slo.2021.138867 (In Russ.)
- Mol'kov, G. A. Vliyanie drevnerusskogo bytovogo pis'ma na knizhnoe v XIII veke. In *Sovremennaya lingvistika: ot teorii k praktike: III Kazanskii mezhdunarodnyi lingvisticheskii sammit (Kazan', 14–19 noyabrya 2022 g.): trudy i materialy v 3 t.* Kazan, 2023. Vol. 1. Pp. 117–119. (In Russ.)
- Schaeken, J. Notes on the Later Russian Part of Sava's Book. In *Russian Linguistics*. 2000. Vol. 24. Pp. 321–337.
- Sobolevskii, A. I. Lektsii po istorii russkogo yazyka. 4th ed. Moscow, 1907. [4], 309 p. (In Russ.)
- Sobolevskii, A. I. Trudy po istorii russkogo yazyka. Moscow, 2006. Vol. 2. Preface and comments by V. B. Krys'ko. 683, [1] p., [1] l. of portr. (In Russ.)
- Svodnyi katalog slavyano-russkikh rukopisnykh knig, khranyashchikhsya v SSSR. XI–XIII vv. Moscow, 1984. 405 p. (In Russ.)
- Zaliznyak, A. A. Novgorodskie berestyanye gramoty s lingvisticheskoi tochki zreniya. In *Yanin, V. L., Zaliznyak, A. A. Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1977–1983 gg.)*. Moscow, 1986. Pp. 89–219. (In Russ.)
- Zaliznyak, A. A. Drevnerusskaya grafika so smesheniem *ѣ – о* i *ѣ – е*. In *Zaliznyak, A. A. "Russkoe imennoe slovoizmenenie" s prilozheniem izbrannykh rabot po sovremennomu russkomu yazyku i obshchemu yazykoznaniyu*. Moscow, 2002. Pp. 577–611. (In Russ.)
- Zhivov, V. M. Vostochnoslavyanskoe pravopisanie XI–XIII veka. Moscow, 2006. 308 p. (In Russ.)

Georgiy A. Mol'kov

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

FEATURES OF BIRCHBARK LETTER VERNACULAR ORTHOGRAPHY
IN THE PAROEMIARION ZACHARIANUM OF 1271

The study deals with the problem of the influence of birchbark letter vernacular orthographic system on book spelling in the 13th century on the material of the manuscript of the Paroemiaron Zacharianum of 1271. An analysis of all encountered examples with incompletely distinguishable use of the letters *е*, *о*, *ѣ*, *ѣ* and *ѣ* in four handwritings of the manuscript was carried out. The use of vernacular spelling techniques in each of the handwritings turns out to be individual, primarily due to the spellings that came from everyday birchbark writing, which were consistently used by scribes in certain positions as they are permissible in book writing. The article makes assumptions about the factors that contributed to the penetration of vernacular spellings into book orthography.

Keywords: Old Russian orthography, Paroemiaron Zacharianum, Birchbark Letter Vernacular Orthography, overcorrection, graphic cliché

